

Часть первая

Глава 1

Море, солнце, утренний бриз, аромат цветущих магнолий — все это смешать и пьянящий коктейль «Солнечное лето» готов. Можно подавать под музыку новомодного ВИА «Мираж», лучше всего в дороге, по пути к морю. Отличный стимулятор для хорошего настроения.

Не хотел Игнат ехать в солнечное лето, боялся он возвращаться в прошлое, но все равно сейчас испытывал душевный подъем, подогреваемый басами из автомобильных колонок. Улица Виноградная на отшибе курортного поселка, девять домов на одной линии — над кромкой берега. Здесь когда-то жила его любовь...

Четыре года он безвылазно пропадал в своем Хабаровске, думал и дальше там оставаться, отказываясь от перевода из азиатской в европейскую часть Союза. Но в этом году отказ не приняли, более того, прямым переводом, без всяких объяснений направили служить

начальником отделения милиции в поселке Морячок. Он даже мечтать о таком повороте в своей карьере не мог. И всю дорогу с востока на запад ломал голову, за что ему такое счастье. Ответ Игнат получил только сегодня, в РОВД ясно дали понять, что обстановка в Морячке тревожная. Баштан отбил от рук, капитана Сазонова в свое время избили до полусмерти, нового начальника отделения уволили за несоответствие занимаемой должности, опять же, спасибо блатным: затравили бедолагу, загнали в угол, напрочь лишив инициативы. Запугали, одним словом. А с Игнатом такой номер не прошел. Игнат, помнится, заставил себя уважать. Драки, поножовщина — все было. И всегда он брал над блатными верх. Вроде как сам капитан Сазонов замолвил за него словечко, сделали запрос в кадры, внесли представление, за приказом дело не стало.

Начальник РОВД не скрывал, что капитана Жукова бросили на трудный, даже опасный участок. И совсем не важно, согласен он служить в Морячке или нет. Родина сказала: надо! И не важно, в отпуске он или нет. А у Игната еще целый месяц вольной жизни перед вступлением в должность. Но на службу можно выйти и раньше. Форма в чемодане, ее нужно всего лишь достать из багажника.

Таксист с нервной какой-то радостью вышел из машины, торопливо открыл багажник, выставил на землю чемодан, баул с ляжками, дорожную сумку. И глянул на Игната, как будто хотел сказать что-то недоброе, но передумал. Сухо пожелав уда-

чи, вернулся в машину, развернулся и отправился на Геленджик в объезд поселка, благо имелась такая дорога. А поведать таксист мог о дурной славе, которой пользовалась улица Виноградная. Четыре года назад здесь убили тетю Вику и ее соседа. Здесь же погибла и Лия. Жертвой жестокого убийцы стали еще два человека, Давид Ерогин тогда убил пятерых за одну неделю. Но эту историю Игнат знал как никто другой, столько всего претерпел, прежде чем вывести убийцу на чистую воду. Он сам лично задержал Ерогина, отдав его в руки правосудия, хоть мог убить — и за любимую девушку, и за родную тетю. Они ведь с Лией собирались пожениться...

А еще дурной славой пользовался сам поселок. Тот же таксист запросто мог нарваться здесь на конкурентов, которые могли разбить ему и фары на машине, и лицо. И встреча с блатными не предвещала ему ничего хорошего, может, потому и поспешил таксист поскорее убраться отсюда, так и не предупредив об опасности Игната, которого принял за отдыхающего.

А Игнат приехал домой. Отец еще в прошлом году вышел на пенсию — досрочно, по вредности производства — и практически поселился здесь. Маме до пенсии осталось всего полтора года, она тоже на низком старте. Отработает срок в Ростове и также переберется на побережье. А сейчас у нее отпуск, который она проводит в своем отчем доме, доставшемся ей от ее старшей сестры Вики. А второй дом покойной, от ее первого мужа, унаследовал Игнат.

Хороший дом, из белого кирпича, двухэтажный, с капитальным подвалом. Но дом этот сейчас занят «дикарями»-курортниками. Может, и дурная слава у этих мест, но приезжих это мало волнует — недостатка в отдыхающих нет.

Игнат не посвящал родителей в свои проблемы, звонил, сказал, что скоро будет, а когда, с какой целью, делиться не стал. И телеграмму, чтобы встречали, не слал. Не ждали его сегодня, но мама как будто что-то почувствовала, он еще только отрывал баул от земли, а она уже открывала калитку. И кинулась к нему, зачем-то снимая с головы белую шляпу из тех, которые так любила тетя Вика. Пятьдесят лет маме, стройная, сухенькая, морщины на лбу, под глазами. Волосы густые, пышные, ни единой седой нитки в них. Или природа такая, или краска хорошая.

— А я как чувствовала! — Мама улыбалась, обнимая сына.

А когда отстранилась, Игнат заметил, как блеснули слезинки на ее глазах.

— А вещей-то сколько! — сказала она, глядя, как Игнат забрасывает баул за спину. — Как будто насовсем приехал!

— Так насовсем и приехал!

— Как насовсем?

Мама всем своим видом давала понять, что не удивится ничему. Игнат мог не приезжать на побывку годами, не жаловался, не делился радостями и тягостями, даже о новом назначении слова не ска-

зал, в общем, личность он более чем самостоятельная. И если принял решение уволиться, значит, так надо. Главное, живой и здоровый.

— Расскажу! За два компота!

Игнат взялся за чемодан, а мама потянулась к сумке. Пришлось подсуетиться, чтобы опередить ее. Сумка тяжелая, тут мужская сила нужна.

Он сошел с дороги, до калитки оставалась пара шагов, когда появилось видение из прошлого. Но увидел Игнат не Лию, а другую девушку, почти такую же красивую. И с мягкой, обворожительной улыбкой.

Игнат помнил, как приезжал сюда в отпуск четыре года тому назад, только-только появился и сразу же наткнулся на Оксану и Лену. Еще даже не познакомился с девушками, но уже составил план на вечер, уже зная, кого выберет из них двоих. Но не прошло и часу, как влюбился в Лию...

Оксана почти не изменилась, такая же стройная, красивая и даже юная. Кажется, четыре года назад ей было семнадцать лет. И отдыхала она тогда с подружкой. А сейчас вслед за ней выходил молодой человек — высокий, сухопарый, с выпуклыми глазами на костистом лице. И жидкой бородкой, призванной скрывать прыщи на щеках. И Оксана еще не загорела как следует, и он в самой начальной стадии приема солнечных ванн.

Парень выходил из калитки, натягивая на себя через голову детский надувной круг. Это у него плохо получалось, парень споткнулся, Оксана это

заметила, протянула руку, чтобы поддержать его. Но промахнулась, потому что увидела Игната и держала на нем взгляд. Прыщавый, теряя равновесие, схватил Оксану за плечо, она поморщилась от боли, но тут же улыбнулась. Парень удержался на ногах, но пальцем зацепился за клапан, из которого хлынул воздух. Круг сдувался на глазах. Вместе с ним скис и его обладатель. Скривился, с укором глянув на Оксану. А она и не знала, на кого смотреть, на Игната или на своего спутника.

А Игнат хотел смотреть только на Оксану. Есть в ней изюминка, он еще в прошлый раз это заметил. Спелая виноградинка, в сладком хмельном соку. Заглядываться на девушку Игнат не стал, кивнул ей в знак приветствия, мама открыла калитку, и он прошел во двор.

— А ты же помнишь Оксану! — закрывая за ним калитку, сказала мама.

— Помогала мне. Давида видела, — кивнул Игнат.

— Да иди ты! — взвизгнул мужской голос.

Игнат остановился, присел, чтобы поставить вещи на землю. Это ведь Оксану посылали понятно куда и ясно кто. Почему бы не надрать уши грубияну.

— Пойдем, пойдем! — Мама взяла Игната за руку. — Дела семейные!

Игнат нахмурился. Как это семейные дела? Неужели этот прыщ с ногами приходится Оксане мужем?

Спрашивать Игнат ничего не стал. Появился отец, отвлек внимание, но все же он заметил, как Оксана проходит мимо, бросая на него взгляд через

забор. Грустно так посмотрела, чуть ли не с тоской. Ее спутник этого не заметил, он с упоением дул в клапан, наполняя круг воздухом.

От отца пахло свежим потом и сухой землей, на белой кепке отпечатки грязных пальцев, клетчатый платок под козырьком, футболка мокрая. Мужчина он крупный, тучный, физическая работа давалась ему нелегко. Футболка мокрая, со лба на щеки стекали крупные капли пота. От дела он оторвался, виноградник у него в огороде, можно сказать, частная плантация. И это при том, что большая часть дома сдавалась курортникам круглосуточно и светлым днем и темной ночью, когда можно украдкой пощипать ягоду. Впрочем, до урожая еще далеко, всего-то июнь месяц на дворе.

Пока Игнат обнимался с отцом, мама сходила на летнюю кухню, принесла холодного компота из свежих яблок и вишни. Игнат залпом осушил кружку.

— Так что там у тебя случилось? — с нетерпением спросила мама.

— Ничего не случилось. Дальше служить буду. Тут недалеко.

— Неужели в Геленджике?

— Почти.

— В Новороссийске? — спросил отец.

— Я вот что хотел спросить, комнату служивому не сдадите? — улыбнулся Игнат.

— Комнату?!. Так весь дом... — Мама кивком указала на дом по левую от нее сторону. — Там,

правда, уже все занято. Но летняя кухня свободна!

— Отлично!

Егор Михайлович, муж тети Вики, строил свой дом на совесть, основательно и с размахом. Дом строил под курортников, а летнюю кухню под себя. Тетя Вика так и называла кухню летним домом. Правда, и этот дом она сдавала курортникам, должны же были они где-то готовить себе завтраки-обеда-ужины. Но мансарда оставалась за Игнатом. Комната там просторная, и выход отдельный. Сейчас только июнь, наплыв не столь серьезный, как в июле и тем более в августе, мансарда, скорее всего, свободна.

— Оксана там в прошлом году жила, — зачем-то сказала мама. — С подружкой.

— А сейчас где с подружкой живет? — усмехнулся Игнат.

— Не с подружкой, с мужем. — Мама внимательно смотрела на него.

Уж не увлекся ли он замужней Оксаной? Если вдруг, то ничего страшного. Это уж куда лучше, чем страдать по Лие. Четыре года прошло, а он так до сих пор не женился. И не собирается.

Игнат смотрел на летнюю кухню, крыша которой маячила в зелени деревьев, туда нужно нести вещи. Там и располагаться и там же думать, как быть с арендой собственного дома. Жилье-то сдавалось негласно, налоги с доходов не платились. И если раньше это его волновало мало, то сейчас вопрос нужно ставить ребром. Или совсем отказаться

от сдачи в аренду, или провести ее через налоговую инспекцию. Лучше всего первое, если, конечно, он собирается служить в должности начальника поселкового отделения. Еще не поздно отказаться. Если проявить упорство, его поймут и оформят перевод в другое место. С негласной пометкой: «не оправдавший доверия» и «по службе не продвигать».

Не меньше и даже больше Игната интересовал другой момент. Виноград. Отец ведь не просто так его выращивал, он делал из него вино на продажу. И это в условиях антиалкогольной кампании, широким фонтом, так сказать, шагавшей по всей стране. Технические сорта виноградников уничтожались, освободившиеся площади засеивались столовыми, зато здесь, на отшибе никто не проверяет. И поле через дорогу все такое же раздольное, ни конца ни края. Виноградная улица здесь, а чуть дальше, в нескольких километрах у того же поля — поселок Виноградный, такая вот загогулина. И на участках у людей свои плантации. И домашнее вино очень хорошо расходуется среди курортников. Даже стараться особо не нужно, время такое, что и откровенная бурда пользуется повышенным спросом. И похоже, никому нет до этого дела. Но Игнат не может закрывать на подпольное виноделие глаза. С ним нужно что-то делать. Антиалкогольная кампания, в общем-то, уже сошла на нет, но борьбу с незаконным винокурением никто не отменял.

Он смотрел в одну сторону, а с другой во двор со стороны своего дома заходила Зойка, молодая

знойная женщина с аппетитным бюстом. Пышная прическа с накрученными локонами, ярко накрашенные губы, средней длины или даже короткий халат с иероглифами казался слегка тесноватым, но смотрелась она в нем очень даже интересно. Только вот улыбалась она как-то скованно, с наигранной какой-то радостью глядя на Игната. Не о нем она сейчас думала, а о чем-то другом. Шла она быстро, торопливо, с оглядкой и нервно при этом теребила застегнутую нижнюю пуговку на халате. Понимала, что не дело это, ходить по двору в таком виде, но вернуться назад и переодеться не могла.

— Ну надо же, Игнат! — изображая радость встречи, всплеснула она руками.

После смерти мужа тетя Вика сошлась со своим соседом Валентином Георгиевичем. Давид убил их обоих, в один день, оставив Зойку круглой сиротой. А затем и вдовой, чуть позже убив ее мужа. Четыре года назад она крепко помогла Игнату, и он этого никогда не забудет.

Игнат не растерялся, приобнял Зойку за талию, поцеловал в щеку и краем глаза при этом заметил двух типов, которые шли за ней, открывая калитку. Когда-то тетя Вика жила на три дома, поэтому дворы соединялись напрямую, не нужно было выходить на улицу. Калитку Зойка за собой лишь прикрывала, запирает не стала. Да это и бесполезно. Судя по наглым лицам ее преследователей, забор не стал бы для них препятствием.

Один среднего роста, плотный, толстощекий, в солнцезащитных очках и клетчатой кепке, на мощной шее толстая цепь из серебра, похоже, самой высокой пробы. Майка-борцовка с американским орлом призвана была подчеркнуть мощь мускулатуры, но она же выдавала довольно-таки яркую особую примету на теле мужчины — голову тигра, выколотую под левой ключицей. Качество татуировки так себе, типичный портачок, выбитый обычной иглой, но на значении символа этого не отражалось. Голова тигра указывала на тюремного «бойца», человека, готового бить-убивать по приказу воровского авторитета. Второй, высокий и мосластый, был в джинсовой рубашке, но и у этого из-под короткого рукава выглядывала «бабочка» под мордой кота в цилиндре. Молодой он для коренного обитателя тюрьмы, лет двадцать пять, может, чуть больше, но блатная романтика в Морячке цветет и пахнет, здесь не позволят ходить с не по масти наколотыми татуировками.

И один тип угрожающей внешности, и другой. Но и тому весело, и другому. Зойка удирали от них, и это их явно забавляло.

— Что им нужно? — спросил Игнат.

Он развернул Зойку вокруг оси, и она оказалась у него за спиной.

— Да к Лешке они пришли. — Голос у нее вибрировал от волнения.

Встревожился и отец.

— И ко мне, — тихо сказал он.

— Так, давайте в дом!

Игнат шагнул уголовникам навстречу, перекрывая им путь к Зойке и к родителям. Дорожка бетонная, высокая, с одной стороны колючий кустарник, с другой цветочная клумба — так просто его не обойти.

— Эй, паря, ты чего? — удивился качок.

Он остановился, приподнял очки и взглядом выстрелил в Игната.

— А ничего, это мой дом, и вам здесь нечего делать.

— Твой дом? — Мосластый тоже остановился, но вплотную к Игнату.

Он тяжело положил свою правую руку на правое плечо Жукова. И хищно посмотрел ему в глаза — перед тем как взять его на удушающий прием. Знал Игнат этот фокус, сначала рука кладется на плечо, затем змеей обвивается вокруг шеи. Нападающий при этом оказывается за спиной у жертвы.

Но в случае с ним нападающий оказался на земле. Сначала Игнат заломил ему руку, заставив его выгнуть спину назад, а затем ударил по ногам. Пока один уголовник падал, другой провел удар — метил ногой в живот, но попал в жесткий захват. После чего также оказался на земле. Мосластый уже поднимался, собираясь наброситься на Игната, но сильный удар в лоб вернул его на землю.

Пока падал мосластый, вертикальное положение попытался принять его дружок. Игнат быстрым и мощным ударом припечатал его к земле, но мосластый быстро пришел в себя. Одного ваньку-встаньку сменил второй.

Зойка не выдержала и нервно засмеялась, наблюдая, как Игнат укладывает неваляшек на землю. Удары, подсечки, броски... К счастью, противник умаялся раньше, чем он. Поднявшись в очередной раз, качок сдал назад, за ним потянулся и мосластый.

— Жди! — пригрозил один.

Другой всего лишь показал кулак. И оба, показываясь, пошли к Зойкиному дому.

— Эй, а поговорить? — с усмешкой бросил им вслед Игнат.

— Вам в другую сторону! — крикнула Зойка, показывая на калитку, которая выходила на улицу.

Но уголовники не реагировали ни на нее, ни на Игната. И на улицу они вышли через ее двор. А выйдя, взяли курс на поселок.

— Рассказывай! — обращаясь к Зойке, потребовал Игнат.

И на отца он посмотрел, глянув при этом на его виноградник. Кажется, он понял, откуда дул ветер.

— Даже не знаю, с чего начать, — пожала плечами Зойка.

— Начни с того, что за Лешку замуж вышла.

Лешку Матвейчука Игнат помнил с юных лет, даже дрался с ними когда-то, выясняя отношения между поселками. Игнат служил в армии, затем в милиции, а Лешка тем временем спивался. С мужем Зойкиным сошелся, а затем и с его вдовой.

— Ну, вышла... Как пить бросил, так и вышла, — будто оправдываясь, сказала Зойка.

— А у отца твоего своя винодельня.

Дядя Валя делал знатное вино, и Лешка, не будь дураком, пошел по его стопам. Но вряд ли пить бросил. Зашьется — не пьет, а потом в штопор, и так по кругу.

— И Лешка вино гонит. — Игнат снова посмотрел на отца.

— Ну так платим понемногу... — пожал плечами тот, кивком указав в сторону, в которой скрылись потерпевшие уголовники. И, глянув на Зойку, спросил: — Лешка где?

— Так уехал, — вздохнула Зойка.

— Куда уехал? — спросил Игнат.

— На рыбалку сказал, третий день нету. Как сквозь землю провалился, ирод.

— Проспится, вернется, — сказала мама, качая головой.

И кусты сломаны, и клумба вытоптана. Это, конечно, хорошо, что сын у нее такой сильный и справедливый, но можно было и поаккуратней с преступностью бороться. А может, мама вовсе не за клумбу переживала. Уголовники могли вернуться и отомстить. Талый с Котляром возвращались, сколько раз от них приходилось отбиваться. Ничего, справился Игнат. И сейчас справится, тем более что и силы в нем сейчас больше, чем раньше, и опыта. Все четыре года в усиленных тренировках прошли. Надо же было чем-то себя занять, чтобы о Лие не думать.

— Да хорошо, если так, — тяжело вздохнула Зойка.

— И много вы должны? — глянув на нее и на отца, спросил Игнат. — С нетрудовых доходов.

— Доходы-то трудовые, сынок. Да и не должен я уже ничего... Да и Зоя, не знаю, чего от них бегаешь?

— Да не бегаю я! Смотрю, идут. Сказать, что Лешка еще не подъехал, не поверят. А сама я дулю им заплачу! — Зойка скрутила пальцы в кукиш.

— Кому им?

— Ну, кому...

— По именам их знаешь?

— Квася и Лось. Тот, который повыше, Квася... Котляра ты знаешь, — мрачно усмехнулась Зойка.

— Котляр здесь?

— И Котляр, и Баштан... Котляр отсидеть уже успел. Из-за тебя, если ты не помнишь.

— Ну как не помнить? — Игнат провел по ребру, вдоль которого когда-то прошло лезвие ножа.

Помнится, он с Котляром и еще двумя уголовниками дрался. Игнат тогда выстоял, но удар пропустил. Бил дружок Котляра, но задержали всех троих. Районная милиция тогда вмешалась, всех задержанных довели до скамьи подсудимых, Котляр два года получил. Легко отделался, можно сказать.

— Зуб у него на тебя.

— Не один он такой, — усмехнулся Игнат.

— Зря ты с ними связался, — вздохнула Зойка.

И жалела она не столько Игната, сколько себя. Но ведь сама виновата, не надо было от блатных бегать. Заплатила бы им сколько нужно и жила бы себе спокойно.

— Надо же с чего-то начинать, — усмехнулся Игнат.

— Вот ты и начал... — сказала Зойка. А Баштан тоже год отмотал.

— Все-то ты знаешь.

— Ну, может, и не все, но то, что Баштана короновали, знаю точно.

Игнат кивнул. Сказали ему сегодня, что статус главного поселкового авторитета сильно изменился. Был положенцем, стал законным вором.

— Не страшно.

— Да нет, страшно!..

— Да ладно, нормально все будет, — дрогнувшим голосом сказал отец. — Игнат из милиции, уголовный розыск как-никак. Он всего лишь исполнял свои обязанности, кто будет ему мстить?

— Я, наверное, схожу к Котляру, — немного подумав, решила Зойка. — Скажу, что маху дала, не надо было от Кваси бегать. Деньги есть, расплачусь.

— А надо платить?

— Так сожгут здесь все к черту! — вздохнул отец.

— А так заплатишь, и в порядке будет... — невеста сказала Зойка. — А что? Милиция нас не трогает, Котляр там все решает.

— Котляр решает?

— Так все через него проходит...

— С милицией решает?

— А что наша милиция может? — презрительно фыркнула Зойка. — Будто ты Самойленко не знаешь!

Старшину Самойленко Игнат знал хорошо. Самойленко и тогда, четыре года назад, с Баштаном дела имел, копеечку свою с поселкового рынка по-

лучал. Игнат это знал точно. Возраст у Самойленко уже пенсионный, Игнат, если вступит в должность, первым делом предложит ему рапорт по собственному желанию написать. С такими кадрами ему точно не по пути.

— Так, давайте о милиции за столом поговорим! — хлопнула в ладоши мама.

Борщ она приготовила еще с утра, блюдо уже слегка остыло, самое время подавать к столу. А Зойка пекла пироги, за ними она и отправилась. Но только она ушла, как появился Самойленко. Подъехал на «уазике», с деловым видом оставил машину, без разрешения зашел во двор. Он почти не изменился, разве что морщинок на лбу прибавилось да усы сединой подернулись. И погоны уже не старшинские, а лейтенантские. Старый лейтенант Самойленко. Здоровый мужик, метра два ростом, только вот милиционер из него плохой, нет желания назвать его дядей Степой.

— Легок на помине! — едко усмехнулся Игнат, глядя на него.

— А я так и понял, что это ты, старлей! — Самойленко провел рукой по поясу под рубашкой, то ли пистолет нащупывал, то ли наручники.

— Что я, рукоприкладством занимаюсь? Уголовнички пожаловались?

— Да не жаловались, просто сказали.

— Ты, конечно, мимо проезжал.

— Мимо проезжал...

— И что дальше?

— А что дальше? Вот задержу тебя, старлей, за хулиганство...

— Ну, во-первых, капитан, а во-вторых... А тебе что, лейтенант, ничего не сказали?

— Что мне должны были сказать? — пытливо сощурился Самойленко.

Слово за Игната замолвил капитан Сазонов, с его подачи состоялось назначение Жукова на должность, начальник РОВД это знал. А почему Самойленко не в курсе? Почему не знает, кто назначен на должность начальника отделения?.. Не доверяют ему, похоже. В офицерское звание возвели, а не доверяют. Если так, то правильно делают.

— Что беспредел у вас тут творится. Мало того что милиция шпану уголовную боится, так еще ее и защищает. От честных граждан.

— Ну, кто там шпана уголовная, еще разобраться надо. А ты, капитан, давай больше не быкуй. В прошлый раз легко отделался, вдруг в этот раз не повезет.

— А ведь не доверяет тебе начальство, Самойленко. Чувствует в тебе гниль.

— Нарываешься, капитан! — хищно сощурился лейтенант.

— Если бы тебе доверяли, ты бы знал, кто назначен на должность начальника отделения.

— Я здесь за начальника! — усмехнулся Самойленко.

Игнат удивленно повел бровью. Он действительно такой тупой или притворяется? Тупой, самодовольный, но, самое страшное, продажный.

— Меня в вашем отделении начальником назначили. Неужели Сазонов тебе этого не сказал?

— Тебя?! Начальником?... — Самойленко вытянулся в лице.

— Начальником. Прямым переводом.

— Э-э... Сазонов ничего не говорил...

— Как он там поживает?

— На пенсии, домик у него...

— Говорят, избили его сильно?

— Селезенку отбили, операцию сделали. Может, это и правильно, что вас назначили... Или это розыгрыш какой-то? — нервно сказал Самойленко.

— Ну какой же розыгрыш?

Игнат вынул из кармана удостоверение, предписание. Отпускной билет показывать не стал, а на срок вступления в должность Самойленко внимания не обратил.

— Вообще-то, Сазонов говорил, — заелозил бывший старшина. — Хорошо бы страшного лейтенанта на его место. Ну, в смысле вас. Вы ж тогда такого жару шпане нашей задали!.. Да и сейчас вот...

— На место Сазонова назначили капитана Березкина.

— Да, да, был у нас такой, из района прислали.

— Сняли его.

— Да уж! — Самойленко в раздумье сжал пальцами кончик своего уса.

— Говорят, Баштан распоясался, из берегов вышел.

— Ну да, из берегов... Я тут кручусь, верчусь...

— Крутишься?

— А что мы с Баштаном можем сделать? Сам-то он никого не трогает, брать его не за что. Вот он скажет спросить с вас за сегодня, зарядит торпеду, как его остановить? А как предъявить, если с вами вдруг что-то случится?.. Вот и приходится договариваться.

— Ты с Баштаном договариваешься?

— А если пырнут вас ножом в спину, кому от этого лучше будет?

— Не надо ни о чем договариваться. И никому ничего не говори. Баштан сам все узнает.

— Как скажете, товарищ капитан.

Игнат кивнул, не сводя глаз с лейтенанта. Не нравился ему Самойленко, нехорошие у него связи с местной мафией, возможно, он с потрохами продался Баштану. Возможно, Березкина запугали не без его участия. И за Игната Баштан крепко возьмется, если так, то на Самойленко надежды никакой. Он скорее предаст, чем выручит. Но сразу его не уволишь, тут время нужно, так что придется работать с теми, кто есть. А работать придется. Здесь, в поселке работать. И чем скорее Игнат начнет работать, тем лучше.

Глава 2

Дежурная часть, камера с решетчатой дверью в ней, оружейная комната. Были еще две камеры для задержанных в административном порядке, они располагались через коридор от дежурной части. Но Игнат смотрел именно на эту камеру. Сам когда-то в ней содержался. Четыре года назад это было, они тогда с Лией в ресторан пошли, там и нарывались на блатных. С Котляром тогда пришлось дело иметь, и с Талым, и с тем он справился, и с другим, но появился старшина Самойленко. И не блатных он тогда задержал, не зачинщиков драки, а Игната. Уже тогда он зависел от Баштана, и до сих пор на службе. Нехорошо, очень плохо...

Загорал Игнат и в других камерах. Весело его юность на южных берегах протекала, приезжал на лето, а приключений на весь год. Со студентами из стройотрядов дрался, с пацанами из Виноградного жестко сходились, милиция подъезжала

разгонять. Пару раз Игната в отделение доставляли. Во всех трех камерах он успел побывать.

Все, даже тетя Вика прочили ему дальнюю дорогу и казенный дом. Самойленко, задержав его, очень удивился, узнав, где служит Игнат. Он-то думал, что имеет дело с уголовником. И сейчас Самойленко удивлен. Не думал он, что Игнат станет его начальником.

Камера в дежурной части пустовала, зато в оружейной комнате полный комплект, и пистолеты на всех сотрудников имеются, и четыре автомата АКС-74У — для усиления патрульно-постовых групп в особых случаях. Оружие Игнат принял первым делом. Начальник районной милиции представил его личному составу, лично провел инструктаж заступающего суточного наряда и не успел он уехать, а Игнат уже в оружейной комнате. Раньше он думал о сохранности только личного оружия, а теперь на нем арсенал целого отделения. Сохранность оружия и секретных документов, что еще может быть важнее в его работе на должности начальника поселкового отделения милиции? Это раньше он думал, что во главе угла показатель раскрываемости, а нет, приказ о назначении на должность начальника отделения заставил его мыслить более приземленно.

А приказ о назначении уже подписан, Игнат утвержден в должности, осталось только принять дела. А оружие он мог получить уже сегодня. И пистолет Макарова, который когда-то принадлежал капитану

Сазонову, уже у него в руке. Пистолет, с которым Сазонов когда-то гонялся за ним.

— Тир у нас тут в подвале, — угодливо подсказал Самойленко.

— И как с уровнем подготовки личного состава? — не без усмешки спросил Игнат.

Четыре года назад Самойленко стрелял неважно. Две обоймы в Игната разрядил, преследуя его, все мимо. А ведь мог и попасть.

Игната тогда подозревали в убийстве любимой девушки, Самойленко охотно поверил в эту глупую версию, Игнат уходил от него берегом моря. Самойленко имел тогда долю от поселкового рынка, Игнат это знал, поэтому старшина стрелял на поражение.

— Не хуже, чем у других!

— Нужно лучше.

Оружие для Игната предмет одушевленный, и сейчас, держа пистолет в руке, он ощущал свой «ПМ» так, будто он был живым существом. Стрелять он умел, одно время очень серьезно тренировался. Друг нарвался на вооруженного бандита, Игнат выстрелил, пытаясь остановить преступника, и промахнулся. И друг получил заряд охотничьей дроби в грудь. Второй раз бандит выстрелить не успел, Игнат все-таки поразил цель. А ведь он мог уложить преступника с первого выстрела, тогда Илью не пришлось бы класть на операционный стол.

— В четверг у нас по плану занятия по огневой.

— Разберемся.

И с расписаниями занятий Игнат ознакомится, и со своими должностными обязанностями. С подчиненными разберется, посмотрит, кто как справляется со своей работой. Все, что требуется, изучит, все освоит, при нем отделение будет работать как часики. Если он, конечно, доживет до лучших времен. Пока все спокойно, вчера он ездил в Геленджик сдаваться. Отпустил Самойленко, объяснился с родителями, пообедал — и в путь. И никто за ним не увязался. А опасался он слежки со стороны того же Кваси, потому на всякий случай установил личность этого типа. И о Квасе узнал через районный уголовный розыск, и о Лосе. И один имел судимость, и другой.

Квася и Лось интереса к нему пока не проявляли, и стоящий за ним Котляр не давал о себе знать. Но есть предчувствие, что это затишье перед бурей. Да и не миновать бури, когда существует такой циклон, как Баштан. В статусе законного вора. А с ним Котляр со своей кодлой. Котляр на всю башку отморожен, уж кому, как не Игнату, это знать.

Жуков принял оружие, расписался в получении пистолета и патронов к нему, вложил оружие в кобуру и поднялся на второй этаж.

В кабинете резко пахло кожзаменителем, мебель здесь старая, а стулья за приставным столом новые. Хорошие стулья, крепкие, еще бы обивку на сиденьях заменить. А может, это не столько дерматин пахнет, сколько ощущение новизны, резкой перемены в жизни дает о себе знать. Поселок небольшой, но штат отделения немаленький. И следователь есть,

и дознаватель, свой уголовный розыск в составе двух оперуполномоченных, отдел борьбы с хищениями социалистической собственности, инспекция по делам несовершеннолетних имеется, паспортный стол. Участковые, патрульно-постовая служба, вневедомственная охрана, даже штатный кинолог с собакой. Если вместе сложить, получится приличное количество людей, над которыми начальником поставлен Игнат. Целое отделение милиции в подчинении, а это не столько почет, сколько ответственность в пределах майорской должности. Раньше капитанская была...

В окне тихонько тарахтел кондиционер. Окна выходили на юг, на море, которое проглядывалось сквозь хвойные кроны сосен, после полудня в кабинете невыносимая жара. Но ведь это не самое страшное. Если сломается кондиционер, можно будет включить вентилятор, открыть окно, стоять, смотреть на море и слушать пение цикад, которые так прекрасно успокаивают нервы.

Окно Игнат открывать не стал, и пение цикад слушать некогда, работы у него выше крыши. Поступающие свыше распоряжения исполнять надо, работу отделения контролировать, а главное, он должен принять по описи все числящееся на балансе отделения имущество, а это непросто.

На столе зазвонил телефон, на связь вышел Самойленко.

— Товарищ капитан, тут к вам соседи по очень важному делу.

В голосе лейтенанта угадывалась легкая, едва уловимая насмешка. Интересно Самойленко знать, как Игнат будет выкручиваться. Дом у него свой, комнаты в котором сдаются курортникам, причем не совсем законно. И отец вином промышляет, что карается статьей уголовного кодекса. Все эти нарушения порочат репутацию нового начальника. И между прочим, с этими нарушениями он же сам и должен бороться.

— Что там? — сухо спросил Игнат.

— Зоя Валентиновна, ты куда? — крикнул кому-то Самойленко.

Зоя Валентиновна не заставила себя ждать. Сначала Зойка внесла в кабинет свою грудь, а затем уже подала себя. К этому времени Игнат уже успел нацепить кобуру на ремень брючного ремня и вложить в нее пистолет. Вдруг бандиты Котляра снова шалить начнут.

— Товарищ капитан при полном параде! — облизнув Игната теплым взглядом, просияла она. И оттопырила вверх большой палец правой руки. — Во!..

В бытность свою опером он предпочитал штатское, но сейчас без формы никак. Сегодня парадная, а на завтра повседневная — уже наглажена.

— Что там стряслось?

— А почему сразу стряслось?.. — задумалась Зойка. — Хотя да, стряслось!.. Стоим, никого не трогаем, а эта сволочь: заткнись! Мне! Заткнись!..

— Я так понимаю, это послесловие!

— Ну нет, послесловие, это когда кулаками после драки. А ты Лешку моего знаешь, чуть что не так, сразу в драку!

— Лешку?
— Ну да, Лешка как раз подъехал.
— С рыбалки?
— С рыбалки.
— Трезвый?
— Трезвый. Но не совсем просохший...
— Давай по порядку! Кто тебе нагрубил?
— Если по порядку, то начинать нужно с Оксаны. Смотрю, муж ее идет с моря. А с ним двое, наглые такие, скалятся. Гастролеры! А ведут себя как у себя дома!

— Гастролеры?
— Кидалы!
— И кого они кинули?
— Пашку! Развели лоха! Смотрю, проходят мимо, Пашку ведут, чтобы не убежал. А Оксана сзади идет. Я вышла, что такое, спрашиваю... В общем, пришли на море, ну, Оксана с мужем, разделись, один из этих подходит и говорит Оксане. А сам на Пашку смотрит. Люблю, говорит, детей, у которых мамы молодые.

— У кого дети? — не понял Игнат.

— Ну так Пашка ребенок, а она мать... Пашка, конечно, возмутился, какой он ребенок? А какого ты года рождения, спрашивают? Шестьдесят шестого, говорит. Да нет, говорят, быть этого не может!.. Поспорили на двести рублей. Пашка повел их паспорт показывать!.. А Оксана поняла, что здесь что-то не то...

— А в паспорте одна тысяча девятьсот шестьдесят шестой год, — кивнул Игнат.

— А я поняла это сразу! — вскинулась Зойка.

— И что, показал Паша паспорт?

— Он стал показывать, а я подошла, вырвала.

И этим сказала, чтобы проваливали.

— Гастролерам?

— Так ясно же, что не наши это... Сказала, что залетным у нас не рады... Баштаном пригрозила, — понизив голос, добавила Зойка.

— А они: заткнись?

— Да так грубо! А тут еще Лешка подъезжает... Ну, я ему сказала, а он за меня сразу в драку! — Зойка вскинула голову с гордостью за мужа, но тут же разочарованно вздохнула. — А этот белобрысый, с пельмешками, его в охапку сгреб, крутанул и вниз головой об землю!

— Уши как пельмешки? — выслушав ее, предположил Игнат.

Если белобрысый с такой легкостью взял Лешку в захват и провел прием, значит, он занимался борьбой, возможно, вольной. У серьезных борцов травмы ушей обычное дело. Боец уходит от захвата, с силой трется головой о жесткую поверхность, в травмированных ушных раковинах образуются пустоты, которые заполняются кровью, тканевой жидкостью, которая застывает, принимая формы, близкие к уродливым.

— Ну да, уши... Особенно одно! — Зойка взялась пальцами за мочку правого уха.

— На себе не показывай! — усмехнулся Игнат.

Она одернула руку так, как будто ухо превратилось в оголенный провод под напряжением.

— И что с Лешкой?

— Да ничего, в себя приходит.

— А белокрысый?

— Он сказал, что завтра зайдет. За деньгами...

Я говорю, хрен тебе, а не деньги! А он смотрит на меня и скалится. Страшно так скалится!

— А почему завтра за деньгами?

— Так Оксана сказала, что ни копейки не даст!

А они возле твоего дома стояли. Я сказала, что это дом начальника милиции.

— Умней ничего не придумала? — поморщился Игнат.

Ясно же, что в доме живут курортники, будет теперь всякая гопота друг другу рассказывать, как кучеряво устроился начальник поселкового отделения милиции. Впрочем, шила в мешке не утаить. И с домом нужно что-то делать. Или выселить всех к черту или заключить договор с финансовой службой. Мама готова пойти на второе, лишь бы не терять доход. Игнату же куда больше нравится первый вариант. И от вина он бы тоже напрочь отказался, но как быть с отцом? Он же засохнет с горя вместе со своим виноградником, разбитом на двух участках. А делать что-то надо.

— Ну а что я не так сказала? Дом твой!

— И дом, и виноградник...

— Э-э... — раздумчиво протянула Зойка. — А кто тебе что сделает?

Игнату ничего не оставалось, как махнуть на нее рукой. В размягченное курортной жарой сознание с трудом входят такие понятия, как честь, совесть.

Особенно если не видишь в незаконных доходах ничего зазорного.

— И где сейчас эти пельмешки?

— Так ушли... Завтра, сказали, зайдут. А если денег не будет, паспорт можно будет выкинуть. На том свете, сказали, паспорт не нужен.

— Так и сказали, на том свете?

— Вот я и говорю, они Пашу грозились убить!

— Они — это двое?

— Ну да, с пельмешками это белобрысый, плотный такой, плечи широкие, ноги кривые. Второй повыше, чернявый... две фиксы во рту, одна золотая, сверху, а вторая железная. — Зойка провела пальцем по нижним резцам.

— Одеты во что?

— У чернявого рубашка велюровая, коричневая, на заклепках. В смысле вместо пуговиц заклепки. А джинсы вельветовые, те просто с заклепками.

— Рубашка, джинсы?

— И вьетнамки. И ноготь на большом пальце уродливый. Это если ноготь вырвать, вместо него уродство нарастет... У одного ноготь, у другого уши, — усмехнулась Зойка.

— В чем уши?

— В очках. Кепка, очки солнцезащитные, капельки. Теннисная кепка с козырьком. Флаг на ней. Не знаю, какой страны. Может, английский, но точно не американский. Американский флаг на футболке. Джинсы вареные, с защипами. Кроссовки черные, три полосы. Может, и «Адидас».

— Значит, уши, фиксы, ноготь, флаги. Один высокий чернявый, другой светлый, ростом пониже, но более физически развитый. И ноги кривые.

— Короткие, кривые, — кивнула Зойка.

— Раздам приметы патрулям, может, найдут, — усмехнулся Игнат, глядя на нее.

— Да я и сама бы этих гадов нашла! А что я им сделаю?

— Лешке сильно досталось?

— Надо бы посильней! Три дня, зараза, бухал! Завтра зашивать повезу.

— В который уже раз? — улыбнулся Игнат.

— Дело не в этом...

— Да нет, дело как раз в этом... Сколько раз ты его на смерть кодировала?

— Ну-у...

— Думаешь, он и в этот раз поверит, что умрет, если выпьет?

— Да как-то не думаю.

— А может, и поверит. В свое бессмертие, — усмехнулся Игнат. — Он еще вниз с высоты прыгать не пытался?

— Да ну тебя, накаркаешь еще!

— Скажи ему, куда я ваш виноградник ему засуну, если он еще раз выпьет.

— Виноградник?

— Со всеми бочками из вашего подвала.

— А что? Только ты сам ему скажи! Тебе он поверит... Кстати, о пельменях!..

— Еще какие-то приметы?

— Да нет, обед скоро, а у меня холодильник, полный вареников. Может, у нас пообедаете? Заодно воспитательную работу проведешь с Лешкой?

— У вас пообедать, говоришь, — усмехнулся Игнат.

Не жизнь у него намечается, а малина. В Хабаровске обеденный перерыв проходил у него где придется, или на бегу перекусывал, или в кабинете, в лучшем случае в столовой, зато здесь можно сходить домой на все готовое. Пешком быстрым шагом десять минут ходом, а если на машине, через брод, то еще быстрее. И пообедать можно, и даже в море искупаться.

— Мама когда уезжает? — спросила Зойка, озадаченно глядя на него.

— Скоро, — кивнул Игнат.

Месяц у нее в запасе, а потом домой, в Ростов-на-Дону. Отец уедет гораздо позже после того, как подготовит свои виноградники к зиме.

— Вот я и говорю, бабу тебе хорошую надо! — закивала Зойка. — Есть у меня одна хорошая девочка на примете. Молодая совсем, всего двадцать восемь лет...

— Давай поговорим об этом вчера!

Игнат аккуратно взял Зойку под локоток и подвел к двери. Некогда ему, и ей пора честь знать.

Он проводил гостью до самых ворот, принял приглашение на обед и повернул назад. На крыльцо вышел Самойленко. Сигарету он держал в двух пальцах, но при приближении Игната спрятал ее в ладони

и вытянулся чуть ли не в струнку. Чувствовал он, что у Игната нехорошие на него планы, старался выслужиться. И о Баштане с его сворой ни слова, как будто в поселке никто никого не обкладывал данью. А ведь Баштану на его воровской общак платили все, до кого он мог дотянуться своими длинными руками. Спекулянты с рынка платили, в смысле коммерсанты, цеховики, а сейчас еще и кооператоры с их двойной бухгалтерии, частным таксистам доставалось. Мзда бралась со всех теневых доходов, в государственные структуры воры пока не лезли, но все еще впереди. Если, конечно, не обуздать аппетит мафии и ее приспешников, таких, как, например, лейтенант Самойленко.

Самойленко ни о чем не спрашивал, но на Игната смотрел выжидательно, в готовности исполнить любой приказ. И задание он получил. Игнат в нескольких фразах описал инцидент на Виноградской улице, в режиме «испорченного телефона» описал приметы преступников и велел поставить в известность все патрульные группы. Самойленко разволновался так, как будто от выполнения задачи зависела его жизнь.

Домой на обед Игнат отправился пешком. Он был в форме, которая мешала ему в свое удовольствие заглядываться на мимо проходящих девушек. А горячих штучек хватало, одна красотка прошла ему навстречу в коротких до невозможности шортах, Игнат едва удержался от искушения оценить загар на ее ягодицах. Ему хотелось и на девицу глянуть, но главное, разведать обстановку у себя за спиной.

Вдруг за ним плетется «хвост», а еще Баштан мог отправить по его душу «торпеду». Подойдет какой-нибудь смазливый, пряничного вида паренек со спины, высморкается, а вместе с тем вставит перо под ребро. И спокойно растворится в толпе, оставив жертву умирать.

А Баштан вполне мог приговорить Игната к смерти. Хотя бы с подачи Котляра. Отомстить Игнату — раз и два — освободить место для Самойленко, который вполне комфортно чувствовал себя временно исполняющим обязанности начальника отделения. Тот же Самойленко и мог заказать Игната.

Жуков шел, стараясь не оглядываться, он полагался на чутье, которое выработалось у него за годы службы в уголовном розыске. А чутье молчало, спина никак не реагировала на приближение опасности, он спокойно свернул с Курортной на улицу Кочубея, выпил стакан газировки из автомата, заодно глянув по сторонам, прошел мимо базы отдыха, студенческого оздоровительно-спортивного лагеря, оставил позади пешеходный мост через мелкую реку с широким руслом, а там и Виноградная улица.

В первом по счету доме жила Зойка, второй дом принадлежал его матери, а третий — ему самому. Дальше дом Ерогиных, в котором теперь жили совсем другие люди. Не смогла мать Давида жить среди людей, знавших, какое чудовище она воспитала. Давида еще не расстреляли, а она уже съехала, продав дом. И мать Лии тоже уехала, нет ее здесь, и это даже хорошо. Игнат чувствовал за со-

бой вину, он ведь мог уберечь Лию, но не уберег. Знал, что ей угрожает опасность, ходил за ней как ниточка за иголочкой, но все-таки прозевал момент. Давид появился ночью, Лия всего на пару минут вышла из дома, и на этом жизнь ее закончилась.

Лешка сидел за столом под виноградником у летней кухни. Он клевал носом, вяло махая опахалом из мятых листьев грецкого ореха. Считалось, что это верный способ отогнать от стола мух. Только их почему-то меньше не становилось.

— Мух кормишь? — спросил Игнат, инстинктивно глянув по сторонам.

В этом доме убили дядю Валью и тетю Вику, во дворе — Лию. И сам Лешка получил удар ножом в живот, правда, не от Давида. Талый метил в Игната, а попал в Лешку. К счастью, нож вошел неглубоко, вылечили быстро.

Лешка вздрогнул, медленно поднял глаза, но поднялся быстро. Вид у него похмельный, видно, еще вчера закладывал, а к утру проспался. Но на забудыгу Лешка уже не похож. И одет прилично, и лицо здорового цвета, щеки сытые, розовые. А ведь четыре года назад Лешка даже не на краю бездны стоял, а падал в нее. Зойка его из болота вытащила.

— А-а, Игнат! — Он распахнул объятия, но сам же себя и осадил. — Товарищ капитан милиции!

— Не юродствуй, не на ярмарке, — качнул головой Игнат.

— Зойка говорила, что ты пить мне запрещаешь.

— Я запрещаю тебе Зойку обижать. Могу сказать почему. Если ты совсем тупой.

— Да не тупой... И завязать хочу. Так, чтобы окончательно.

— Сказку о царе Салтане помнишь? Царевна там была.

— Что, пить бросила?

— В бочку посадили. И я тебя в бочку закатаю. — Игнат кивком указал на дом, в подвале которого хранились запасы вина. — Самую маленькую выберу. И голым в Африку. На пятнадцать суток. Не веришь?

— Может, поспорить еще предложишь? — кисло сказал Лешка. — На двести рябчиков.

Из летней кухни вышла Зойка, увидела Игната, молча кивнула, дескать, сейчас, и снова скрылась из вида.

— Я это бычье еще найду! — зло скривился Лешка. — Сам их на двести рябых поставлю!

— Я смотрю, сильно тебя головой ушибли, — хмыкнул Игнат.

— Козлы залетные!

— Точно залетные?

— Но точно не наши!

— А ты всех ваших знаешь?

— С кем-то знаюсь, кого-то просто так видел...

— Когда за бизнес свой отстегивал?

— А чего не отстегнуть, когда все шито-крыто. Менты не трогают, бакланы не лезут, если что, всегда обратиться можно.

— К кому обратиться?

— К Баштану, например. Он у нас здесь за бога. И царь, и бог... Ну, насчет милицейского начальника не скажу, но если машину угнали, хату выставили, он все решит, все найдет.

— За какой процент?

— Ну, понятно, что не бесплатно.

— А чьи люди машину угонят, чьи люди хату выставят? — Игнат смотрел на Лешку как на великовозрастного дурачка, который свято верил в Деда Мороза.

— Этого я не знаю... Вон у Ефимовны сына за изнасилование закрыли, в Новороссийск повезли, думали, опустят пацана. А Баштан во всем разобрался, с девкой все, говорит, спали кому не лень. Все спали, и он переспал, а она, женись давай или на кичу.

— А к Баштану все на толковище ходите?

— Надо же как-то проблемы решать!

— А у тебя проблема, Леша. Баштан шерсть с тебя как с барана стрижет.

— Так не для себя же, на общак. Может, шерсть моя на зоне кого-то согреет. Может, я там когда-нибудь окажусь. Может, ты меня и закроешь за то, что я вино толкаю.

— Дурак ты, Лешка. Дурак!.. — покачал головой Игнат.

Лешка проповедовал житейскую логику маргинального уклона, с одной стороны, его можно понять, а с другой — он должен был задаться вопросом. Почему, завидев Квася и Лося, Зойка сбегала от них? Уж не потому ли что кто-то из них мог за-

лезть к ней под юбку? Или просто облапить, баба она, в общем-то, аппетитная, а шпана изысканными манерами не страдает. Возьмут хулиганы и приласкают Зойку помимо ее воли. И у кого на них управу искать, у Баштана?.. Хотел бы Игнат задать Лешке такой вопрос, но не стал этого делать. Зачем говорить о том, чего не было.

Из кухни вышла Зойка, накрыла на стол, появились родители Игната. Окрошка, вареники, все вкусно, душевно. Из-за стола Игнат поднялся в хорошем настроении. В его распоряжении оставалось всего пятнадцать минут, не так уж и много, нужно поспешить, чтобы не опоздать. «Москвич», доставшийся Зойке в наследство от отца, стоял перед гаражом под навесом, Лешка вызвался подвезти, но Игнат качнул головой. Виноградную улицу от поселка отделял пешеходный мост, если ехать, то в объезд, через шоссе на Геленджик, а это и время, и расстояние, измеряемое в литрах бензина. Можно напрямки, по дороге, пересекающей русло реки, но «Москвич» там и застрять может, на «УАЗе» да, в самый раз. Да и зачем ехать, когда ходьба растрясет обед, и жирок на животе не завяжется? Немаловажная, кстати, деталь. Спокойная размеренная жизнь, сытный обед по расписанию — все это таило в себе опасность ожирения.

Игнат и хотел бы пообщаться с Оксаной и ее мужем, но на это уже не было времени. Да и особого смысла он в том не видел. Сначала нужно задержать мошенников, а потом уже проводить дознание, воз-

буждать уголовное дело. Для этого ему понадобится заявление от пострадавшей стороны, но не факт, что гастролеров найдут. Может, они уже покинули поселок.

Но Оксана сама попалась ему на пути. Он шел к мосту, а она ему навстречу, возвращаясь в сопровождении незадачливого мужа с пляжа. Шляпка на ней соломенная, белый сарафан на бретельках. И лицо красное, и плечи. Останавливаясь, Игнат покачал головой.

— Во-первых, здравствуй, Оксана! А во-вторых... Мужа за сметаной отправь.

Игнат хотел сказать, что полуденное солнце опасно для здоровья, но его слова будут восприняты как нотация. От должностного, так сказать, лица.

— Слушаюсь, товарищ капитан! — бодро, но не весело улыбнулась Оксана.

И повела головой, собираясь глянуть на своего мужа, который устало плелся позади нее. Метров пять ему еще идти. Легкий надувной круг Паша нес, как будто это была тяжелая покрывка от автомобиля.

— И скажи ему, чтобы с незнакомыми людьми в доверительные отношения не вступал.

— А вы уже в курсе? — спросила Оксана.

Игнат подтвердил, кивнув.

— Милиция всегда в курсе, — язвительно сказал Паша. — Только ничего сделать не может!

— Не всякую ошибку можно исправить. — Игнат насмешливо посмотрел на него.